

УДК 821.161.1-3.09"18"
DOI 10.25688/2076-913X.2020.39.3.03

**С.А. Горностаева,
Г.И. Романова**

Д.С. Мережковский о психологии и психологизме в творчестве Ф.М. Достоевского

В статье рассматриваются представления Д.И. Мережковского о психологии героев романов Ф.М. Достоевского, их психическом состоянии и особенностях изображения классиком психических явлений. Выделяется круг терминов, используемых Мережковским для описания приемов изображения психологических явлений.

Ключевые слова: психология; Мережковский; Достоевский; душа; психофизиология.

Взгляды Д.С. Мережковского на творчество Ф.М. Достоевского — поворотный этап в интерпретации творчества классика русской литературы и яркая страница в наследии самого критика. Работа «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (1900–1902) появилась в журнале «Мир Искусства». Ей предшествовала публикация статьи «О “Преступлении и наказании” Достоевского» в журнале «Русское обозрение» (1890. Т. 2. С. 155–186), позже вошедшей в книгу «Вечные спутники» под названием «Достоевский» (1897). Здесь впервые намечены многие идеи, положенные в основу исследования «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия», оказавшегося настолько значительным, что привлекает внимание литературоведов до сих пор. Многие идеи, высказанные в ней Мережковским, были развиты виднейшими русскими учеными XX в. В частности, рассуждение о жанровом своеобразии произведений Достоевского (роман-трагедия), развитое Вяч. Ивановым в работе «Достоевский и роман-трагедия» (1911), мысль о специфике метода писателя (о «реализме в высшем смысле» [3, с. 150]), ставшая исходным пунктом целого ряда последующих работ, суждение о религиозно-философском содержании романов «пятикнижия» и т. д. Со второй половины 1980-х гг. российские ученые вновь обратились к «субъективной» критике Мережковского, литературно-критические тексты которого стали в это время переиздаваться как часть возвращенной литературы русского зарубежья [9, 11, 13].

В XXI в. диапазон исследований становится шире, исследователей привлекают различные темы, намеченные критиком, в частности проблема «духовного раздвоения» Достоевского [10], особенности его религиозного мировидения [4, 9, 7]. Однако изучено оно все еще не в полном объеме. Так, вопрос о воплощении представлений Мережковского о психологии, психиатрии и художественном психологизме в его интерпретациях русской классики еще не ставился. Выяснить терминологию, круг понятий, связанных с душевной жизнью личности, которые критик считал необходимым акцентировать, рассмотреть выявленные им приемы передачи психологии героев — в этом состоит задача настоящего исследования. Для ее решения наиболее адекватным представляется использование историко-типологического метода, насуточно и обращение к сопоставительному анализу литературно-критической и научно-психологической терминологии.

В осмыслении психологии литературных персонажей, в частности Раскольникова, героя «Преступления и наказания», подход Мережковского резко отличается от позиции его предшественников — критиков XIX в., которые затрагивали вопрос о том, насколько Раскольников здоров психически. Некоторые критики признавали отклонения в поведении этого персонажа, но в их рассуждениях преобладала ирония, свойственная бытовым представлениям о психиатрии, поскольку психология как наука еще не заняла того видного места в общественном сознании, как это произойдет позже. По словам В.А. Келдыша, психология уводила от социальной темы, которая представлялась намного более значимой [9]. Вопрос о достоверности психического состояния, изображенного Достоевским, ставился в прямую связь с идеологическим аспектом романа: если Раскольников болен, то рассуждения на религиозно-философские и морально-нравственные темы значения не имеют. Признание же его психически здоровым (например, Н.Н. Страховым) становилось основанием для рассуждений о философской основе его теории [5].

Терминология, которой оперирует Мережковский, рассуждая о героях «пятикнижия» и о самом писателе: психология, психофизиология, душа, дух, сознание, бессознательное (то, что психоаналитики стали называть подсознательным). При этом он ссылается на библейское представление о внутреннем мире человека: «Апостол Павел разделяет существо человеческое на три состава, заимствуя это разделение от философов александрийской школы: телесный, духовный и душевный» [3, с. 103]. Применяя эту идею к русским классикам, он вводит термин *психофизиология*, характеризуя творчество Л. Толстого, и понятие *страсти ума*, обращенное к героям Достоевского: «Чем ближе Л. Толстой к телу или к тому, что соединяет тело с духом, — к животному-стихийному, “душевному человеку” — тем вернее и глубже его психология или, точнее, его *психофизиология*. <...> у человеческого ума есть так же, как у человеческого сердца, свои страсти, не менее сложные и глубокие: Достоевский великий изобразитель этих именно *страстей ума*...» [3, с. 113].

Мережковский — исключительно одаренный литератор, эрудированный человек, ценил научный (*клинический*) подход, размышлял о соотношении науки и искусства. Описывая метод изображения действительности, характерный для Достоевского, он уподобляет деятельность художника работе ученого: «Здесь точность знания и ясновидение творчества — вместе» [3, с. 151]. По мнению Мережковского, писатель-реалист в своем произведении проводит научный опыт, психологический эксперимент: Достоевский ставит человеческие души «в редкие, странные, исключительные, искусственные условия, и сам еще не знает, ждет и смотрит, что из этого выйдет, что с ними будет. Для того, чтобы непроявившиеся стороны, силы, сокрытые в “глубинах души человеческой”, обнаружались, ему необходима такая-то степень давления нравственных атмосфер, которая в условиях *теперешней* “реальной” жизни никогда или почти никогда не встречается» [3, с. 150]. Здесь речь идет об условиях, которые позволят проявиться скрытым и порой неосознаваемым самими героями чертам их психики.

В отличие от Н.К. Михайловского, указавшего на «жестокий талант» Достоевского, Мережковский пытается разобраться в причинах интереса Достоевского к болезненным явлениям, к проявлениям нездоровой психики:

«В самом деле, что за странный писатель, с неутолимим любопытством “копающийся” только в болезнях <...> Может быть, это не столько художник, сколько врач душевных болезней, и при том такой врач, которому должно сказать: врач, исцелился сам? Может быть, это не столько герои, сколько собрание более или менее любопытных “клинических случаев”?» [3, с. 151]. В своем исследовании Мережковский не однажды проводит параллель между самим писателем и его героями, экстраполирует действительность на литературу. Он впервые в истории изучения Достоевского открыто связывает его творчество с биографическими фактами, вопрос о психологии героев с вопросом о состоянии психики самого писателя. Тем самым подчеркивается, с одной стороны, рефлексия писателя, самонаблюдение и, во-вторых, особая достоверность, реалистичность изображения человеческих свойств в его произведениях. Например, героя из «Записок из подполья» критик характеризует как стоящего на «умственной высоте величайших героев Достоевского, наиболее близких сердцу его. Он выражает самую сущность религиозных борений и сомнений художника. В этой исповеди чувствуется иногда самообличение, самобичевание...» [3, с. 82]. С этой точки зрения становится ясно, почему много внимания уделяет Мережковский психике Достоевского — в художественном творчестве он ищет аналогии признаниям, сделанным в письмах, в частности о его чрезмерной нервности: «Я и вообще работаю нервно, с мукою и заботою, — говорит Достоевский, — когда я усиленно работаю, то болен даже физически» [3, с. 79].

Сопоставляя Л. Толстого и Достоевского как реальных исторических личностей, критик подчеркнул душевное здоровье одного и болезненность другого.

Критик проводит параллель: некоторые герои Достоевского, как и сам писатель, страдают эпилепсией (в пример приводится князь Мышкин из романа «Идиот»). Делается вывод о том, что описание припадков в произведениях писателя отличается особой точностью и достоверностью. Однако нужно отметить, что в описании припадков из романа «Идиот», которое цитирует Мережковский, отражено впечатление свидетелей: *«Многие, по крайней мере, изъясняли так свое впечатление; на многих же вид человека в падучей производит решительный и невыносимый ужас, имеющий в себе даже нечто мистическое»* [1, с. 236] (курсив наш. — С. Г., Г. Р.). В любом случае совпадение фактов реальной жизни и их художественного изображения свидетельствует только о реальности явления, прямое же их отождествление неправомерно [14, с. 13].

Для представителя символистской критики особо значимым явилось выражение Достоевского о «мистическом» ужасе, вызываемом у очевидцев проявлением болезни. Эпилепсия длительное время считалась психическим недугом, и хотя современные медики относят это заболевание к неврологическим, отмечают также и возможные психические изменения у больных (мир воспринимается в искаженном виде, может появиться страх, злоба, агрессивность). Критик фиксирует высказывания писателя о себе, в частности: *«Болезнь моя усиливается более и более. От каждого припадка я, видимо, теряю память, воображение, душевные и телесные силы. Исход моей болезни — расслабление, смерть или сумасшествие»* [3, с. 65]. Эпилептики страдают характерными расстройствами психики: *«Содержание галлюцинаторно-бредовых расстройств отражается на восприятии больными окружающего, их высказываниях и поступках. Преобладают бредовые идеи преследования, личной и всеобщей гибели <...> экспансивный бред (величия, реформаторства, мессианства)»* [6, с. 317]. Как считают ученые-психологи, *«подобные переживания нередко обуславливают общественно опасные деяния больных, вплоть до убийства»* [6, с. 327].

В критике Мережковского сближаются вопросы психиатрии и художественного творчества. Критик связывает литературный талант с особой душевной организацией писателя, высказывает предположение, что его болезнь *«вовсе не есть слабость, скудость, а напротив — грозовой, скопившийся избыток жизненной силы, до последнего предела доведенное утончение, обострение, сосредоточение духовности...»* [3, с. 67].

Н.К. Михайловский в полемическом отзыве на исследование Мережковского, развивая его мысль о достоверности художественного изображения проявлений болезни в книгах писателя (*«эпилепсия или падучая, и в древности, и у многих современных народов считавшаяся и считающаяся “священной” болезнью. Причины такого отношения к эпилепсии легко понять, читая описание ее у Достоевского»* [12, с. 522]), спорил с представителем «субъективной» критики, опираясь на слова князя Мышкина о том, что эпилепсия — *«болезнь, нарушение нормального состояния, и поэтому никакого “высшего бытия” он в эту минуту не переживает»* [12, с. 523].

Мережковский обнаружил особенный интерес писателя к психологии человека, желание проникнуть в самую ее суть и описать, в частности он отмечал следующее: «...рассматривая личность Достоевского как человека, должно принять в расчет неодолимую потребность его как художника, исследовать самые опасные и преступные бездны человеческого сердца...» [3, с. 81].

Критик одним из первых выделил знаменательные высказывания Достоевского: «Меня зовут психологом, — говорит он сам, — неправда, я лишь *реалист в высшем смысле*, т. е. изображаю все глубины души человеческой» (курсив наш. — С. Г., Г. Р.) [3, с. 149] и др. Критик тем самым присоединился к суждению о важнейшей особенности реалистического метода, который заключается не только в воспроизведении действительности в формах самой жизни (что уже во времена Мережковского оценивалось как художническая слабость), но и в глубине и верности постижения человеческой психологии, углубленном психологизме. Писатель изображает такие стороны душевной жизни, которые производят впечатление фантастических, т. е. неожиданных и, казалось бы, немотивированных. Суть открытого писателем явления можно объяснить с точки зрения современной психологии: человек не во всем может отдавать себе отчет, есть чувства и мысли, в которых подчас довольно сложно признаться самому себе и от которых человек стремится отгородиться, отказаться, а при возможности оправдать любым способом. Все это выливается в глубочайшие внутриличностные конфликты, составляющие сердцевину проблематики, связанной с характерами главных героев Достоевского, и являющиеся предметом исследования психологии.

Мережковский стремится разобраться не только в мотивировке человеческого поведения, но и в том, как проявляются душевные движения внешне. Он обнаруживает связь между внешним и внутренним в человеке, между сменой душевных движений и их телесным отражением. Главное же, намеченная связь между внешним и внутренним осознается как прием изобразительности: «Язык человеческих телодвижений ежели менее разнообразен, зато более непосредствен и выразителен, обладает большею силою *внушения*, чем язык слов. <...> один трепет мускула в лице, одно движение тела могут выразить то, чего нельзя сказать никакими словами» [3, с. 98]. Словесное изображение этих движений — мимики и жестов, особенностей поведения — в литературоведении рассматривается как способы обрисовки внешности персонажа, не только выражающие его характер, но и проявляющие авторскую позицию. Интересно, что и современная наука склонна рассматривать человека как единое целое, во взаимосвязи телесного и психического. Данный подход складывался в рамках телесной терапии, выросшей на почве психоанализа и развивающейся в многочисленных телесно-ориентированных направлениях, представители которых обращают внимание на отражение психической жизни в телесном пространстве, на проявление эмоций и переживаний, чувств в мимике, движениях, интонациях и т. д. Одновременно с этим доказывается обратное воздействие, а именно

влияние телесных изменений на психику. Большую популярность приобрел язык телодвижений, посредством которого на невербальном уровне передается информация о внутреннем состоянии человека, минуя сознательные механизмы, т. е. без внутренней цензуры [15].

Одним из первых в отечественной науке Мережковский обратил внимание на психологизм Достоевского, его умение изобразить «тонкие, почти неуловимые, психологические переходы» [2, с. 511], а также различные проявления подсознательного, будь то видения, призраки, кошмары, галлюцинации, сны или бред. Как это характерно для литературно-критической интерпретации, трактовка данных фрагментов Мережковским избирательна. Но эта избирательность многозначительна, критик обращает внимание на то, чему его предшественники ранее не придавали особого значения. Так, анализируя изображение болезни Раскольникова, он связывает телесное расстройство (обмороки, лихорадка) с душевным (бред, болезненные сны и кошмары). Несмотря на свою склонность к мистике, Мережковский выделяет и скептические слова Свидригайлова: «...это, может быть, моя фантазия... Может быть, я в самом деле помешанный...» [3, с. 168].

Мережковский указывает на психологическую мотивировку построения системы персонажей в «Преступлении и наказании», где Раскольников сопоставлен с другими героями романа: Разумихиным, Лужиным, Соней, Свидригайловым, что указывает на глубинную общность их характеров. Мережковский пишет, что они «преследуют и пугают друг друга, как призраки, как собственные тени, как двойники» [3, с. 173].

Но в центре критического анализа герои Достоевского, в которых воплощена тема *бессознательного раздвоения* [3, с. 372], развитая в романах от «Преступления и наказания» до «Подростка», в частности в «Идиоте», где показана последняя степень, когда «дальше идти уже некуда было, дальше начиналась болезнь не только духа, но и плоти — “идиотизм” или сумасшествие, лечебница Шнейдера, слепой мрак и хаос» [3, с. 373].

Внутреннее раздвоение, разногласие как признак существования бессознательной стихийной жизни критик обнаруживает в личности и творчестве Л.Н. Толстого, но главным образом у Достоевского. Это одна из тех идей, которые объединяют трактовки романов классиков, данные критиками рубежа веков и воплощающие, по словам В.А. Келдыша, постижение «духовной жизни человека в ее антитетичности» [8, с. 194].

Таким образом, «субъективной» критике Мережковского свойственно не только сочувственное волнение, которое подчеркивал сам критик, но и рационально-аналитический подход, проявлявшийся, возможно, непреднамеренно. В своей интерпретации творчества Достоевского он открывает не только метафизическую глубину его романов, что было особенно актуально в самом начале XX в., на пороге социальных потрясений, но и бездны души человека, во многом объясняющие психологические причины грядущих катастроф.

Библиографический список**Источники**

1. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 6. 669 с.
2. *Мережковский Д.С.* Достоевский // Мережковский Д.С. Вечные спутники. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 509–534.
3. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 588 с.

Литература

4. *Богданова О.А.* «Пророк» или «дух»? Динамика восприятия Достоевского в революциях 1905 и 1917 гг. // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 7–35.
5. *Горностаева С.А.* Термины психиатрии и психологии в критике романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Национальный стиль русской литературной классики: материалы межвузовск. науч.-практ. конф. (г. Москва, 12 апр. 2019 г.). М.: МГПУ, 2020. С. 246–254.
6. *Жариков Н.М.* Судебная психиатрия. М.: Норма, 2009. 624 с.
7. *Захаров Е.Е.* Творчество Ф.М. Достоевского в русском литературно-критическом сознании начала XX века: Пути восприятия и осмысления: дис. ... канд. филол. наук. 1999. 217 с.
8. *Келдыш В.А.* Ф.М. Достоевский в критике Мережковского // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 207–223.
9. *Келдыш В.А.* Наследие Ф.М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с.
10. *Коптелова Н.Г.* Творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в рецепции Д.С. Мережковского (на материале статей 1890 годов) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 64–69.
11. *Крылов В.Н.* Русская символистская критика: Генезис, традиции, жанры. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 268 с.
12. *Михайловский Н.К.* Литературная критика и воспоминания / сост., вступ. статья М.Г. Петровой и В.Г. Хороса. М.: Искусство, 1995. 588 с.
13. *Николюкин А.Н.* Феномен Мережковского // Д.С. Мережковский: pro et contra: личность и творчество Мережковского в оценке современников / сост., вступ. ст., библиогр. А.Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 7–28.
14. *Романова Г.И.* Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакунине в 1920-е гг.) // Вестник МГПУ. Сер.: Языкознание. 2014. № 2. С. 8–15.
15. *Тимошенко Г.В., Леоненко Е.А.* Работа с телом в психотерапии: практ. руководство. М.: Психотерапия, 2006. 480 с.

References**Istochniki**

1. *Dostoevskij F.M.* Sobr. soch.: v 15 t. L.: Nauka, 1989. T. 6. 669 s.
2. *Merezhkovskij D.S.* Dostoevskij // Merezhkovskij D.S. Vechny'e sputniki. M.: Shkola-Press, 1996. S. 509–534.
3. *Merezhkovskij D.S.* L. Tolstoj i Dostoevskij. M.: Nauka, 2000. 588 s.

Literatura

4. *Bogdanova O.A.* «Prorok» ili «dux»? Dinamika vospriyatiya Dostoevskogo v revolu'ciyax 1905 i 1917 gg. // *Perelom 1917 goda: Revolu'cionny'j kontekst russkoj literatury'*. M.: IMLI RAN, 2017. S. 7–35.

5. *Gornostaeva S.A.* Terminy` psixiatrii i psixologii v kritike romana F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // *Nacional'ny'j stil' russkoj literaturnoj klassiki: materialy` mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Moskva, 12 apr. 2019 g.)*. M.: MGPU, 2020. S. 246–254.

6. *Zharikov N.M.* *Sudebnaya psixiatriya*. M.: Norma, 2009. 624 s.

7. *Zaxarov E.E.* *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo v russkom literaturno-kriticheskom soznanii nachala XX veka: Puti vospriyatiya i osmy`sleniya: dis. ... kand. filol. nauk.* 1999. 217 s.

8. *Keldy`sh V.A.* F.M. Dostoevskij v kritike Merezhkovskogo // *D.S. Merezhkovskij: My`sl' i slovo*. M.: Nasledie, 1999. S. 207–223.

9. *Keldy`sh V.A.* *Nasledie F.M. Dostoevskogo v filosofskoj i literaturno-kriticheskoj my`sli Serebryanogo veka*. M.: IMLI RAN, 2019. 280 s.

10. *Koptelova N.G.* *Tvorchestvo L.N. Tolstogo i F.M. Dostoevskogo v recepcii D.S. Merezhkovskogo (na materiale statej 1890 godov)* // *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 2009. № 2. S. 64–69.

11. *Kry`lov V.N.* *Russkaya simvolistskaya kritika: Genezis, tradicii, zhanry`*. Kazan`: Izd-vo Kazansk. un-ta, 2005. 268 s.

12. *Mixajlovskij N.K.* *Literaturnaya kritika i vospominaniya / sost., vstup. stat`ya M.G. Petrovoj i V.G. Xorosa*. M.: Iskusstvo, 1995. 588 s.

13. *Nikolyukin A.N.* *Fenomen Merezhkovskogo // D.S. Merezhkovskij: pro et contra: lichnost` i tvorchestvo Merezhkovskogo v ocenke sovremennikov / sost., vstup. st., bibliogr.* A.N. Nikolyukina. SPb.: RXGI, 2001. C. 7–28.

14. *Romanova G.I.* *Metodologicheskie problemy` izucheniya prototipa (diskussiya o Bakunine v 1920-e gg.)* // *Vestnik MGPU. Ser.: Yazy`koznanie*. 2014. № 2. S. 8–15.

15. *Timoshenko G.V., Leonenko E.A.* *Rabota s telom v psixoterapii: prakt. rukovodstvo*. M.: Psixoterapiya, 2006. 480 s.

S.A. Gornostaeva,

G.I. Romanova

**D.S. Merezhkovsky on Psychology and Psychologism
in F.M. Dostoevsky's Works**

The article explores the views of D.S. Merezhkovsky's on the psychology of the heroes in F.M. Dostoevsky's novels. It reveals their mental state as well as specific features of Dostoevsky depicting some psychic phenomenon. We have listed the range of terms Merezhkovsky used to describe Dostoevsky's methods of representing psychological phenomena.

Keywords: psychology; Merezhkovsky; Dostoevsky; soul; psychophysiology.